

БУДЕТ «ТРАКТОР» НА КОНТРАКТЕ?

Соб. Кильмунра. - 1981. - 2 апр. - с. 10.

Если жизнь, по мнению классика,—это театр, то и театр, в известном смысле,— сама жизнь. Вот с такой, к сожалению, не новой мыслью, счастливицею «гусеницы», я где-то под «двигателем» проник через служебный вход в Ростовский академический театр драмы имени Максима Горького. Ничего удивительного: это здание, уникальный архитектурный памятник эпохи конструктивизма, выполнено в виде эдакой сельскохозяйственной машины — красы и гордости Ростсельмаша. Сами актеры ласково зовут его: «Наш трактор». Так что театр этот, как видите, в буквальном смысле, не чужд прозаических проблем времени. Что уж говорить о «тракторист...», простите, о людях театра. Они в этой самой жизни, как и все мы, грубо говоря, по уши увязли.

Поэтому ключом к любому разговору в Ростовском театре стало у нас почти волшебное на сегодняшний день слово — «контракт».

Художественный руководитель, заслуженный деятель искусств РСФСР А. Славутский воскликнул:
— Жду, как манну небесную, контрактную систему..

Артист Ю. Добринский добавил:

— Не знаю, что со мной будет, но... Считаю, что я театру полезен.

Заслуженная артистка РСФСР М. Казакова возражала:

— Да мы совсем тогда бесправные будем...

Вот такая палитра. Но что любопытно—многие многочисленные собеседники были единодушны в двух, казалось бы, взаимоисключающих моментах: практически все говорили о пользе контрактной системы для театра, и тут же уверенно утверждали, что большинство труппы против контракта.

Контракт — примета рынка. Поговорим открытым текстом: актеры продают театру — в лице, скажем, главного режиссера или директора или художественного руководителя,— свой талант, силы, время. Обычное дело, купля-продажа. Ну а чтобы юридически все затвердить, составляют, а затем подписывают контракт, в котором подробнейшим образом, с учетом любых возможных неожиданностей, оговаривают все условия. Но, конечно, условия эти для всех будут разными. И это естественно: «звезда», гарантирующая полный сбор, получающая право диктовать, даже причуды ее могут считать законом. Ну а кто послабее, сам вынужден будет соглашаться на все. Правда, при этом у каждого сохраняется право совершенствоваться, расти над собой, пробиваться в «звезды», пожалуйста. Не можете? Ну извините...

Справедливо это? В общем-то, согласитесь, справедливо. Довольно примитивной уравниловки, она так нам всем надоела!

Надо думать, наверняка изменятся и отношения в творческом коллективе. С главаре-

жем, например, от которого зависит — работать тебе здесь или нет, не очень-то поспоришь, придется и капризы позабыть, и амбиции. Так что если теперь режиссер жалуется, что его как бы превращают в лицо, обслуживающее таланты актеров, то при контрактной системе труппа может быть только коллективом единомышленников. Ибо если вы не согласны с творческой концепцией режиссера, то за вами остается право искать себе место в другом театре.

Что ж, весь Запад живет по этим принципам, и никак. Однако, думается, разница все же есть: у них-то во главе дела, если так позволительно назвать театр, стоит хозяин, то есть личность, кровно заинтересованная. А у нас? Театр относителен, его собственность худрука или главаря, нет, они тоже а свою очередь на контракте. Но и их нанял не хозяин, а учреждение — горсовет или исполком. А не свое, оно и есть не свое. Это-то, думаю, мы все хорошо усвоили. И если на Западе, например, при профессиональной непригодности режиссера, владельца теряет все, то нашему театруальному «единоначальнику» терять, собственно говоря, нечего. Это бы еще ладно, будь все наши нынешние руководители театральными коллективами образцами, достойными подражания — тут и творческий пламень, и такт, и бескорыстие, и высокая культура общения с актерами. К сожалению, это не так. Ведь не исключен вариант,

когда во главе театра может оказаться (скажем мягко) не очень талантливый человек, который в условиях почти бесконтрольной власти будет крутить-вертеть, как «ндраву» моему удобной!

Ну разговоры разговорами, а если взять в идеале? Талантливый режиссер подбирает себе на контрактной основе небольшой, но единый по духу и размаху крыльев коллектив, а они вместе создают прекрасные спектакли и при этом lucriferо зарабатывают. Разве плохо Хорошо.

Но ведь возможно это, за редчайшим исключением, только если создавать театр, так сказать, на голом месте. Примеры такие уже есть. А как быть тем же ростовчанам? В труппе у них около пятидесяти человек, а художественному руководителю нужно (и практика давно уже показала, что он прав) не более тридцати, чтобы не толкались в труппе четыре Гертруды или пять Офелий. Куда девать остальных? Точнее, куда им деваться? А ведь многие вообще не мыслят себя без театра. «Я умру, если меня выгонят»,— в устах молодой актрисы это не пустая фраза. Хотя, конечно, есть и такие, для кого театр—это не столько сцена, сколько окошечко для выдачи зарплаты, но таких-то как раз единицы.

Итак, как быть? Действовать по принципу: спасение утопающих — дело рук самих утопающих? Есть ведь на свете другие театры, студии, есть возмож-

ность преподавать или устроиться в клубе... Да, конечно. Хотя ясно, что в условиях неших провинциальных городов все это просто нереально. А перевезать в зрелом возрасте, с семьей, из города в город, бросать с трудом налаженный быт страшно. Так что, извините, но если в стенах театра поступить с людьми, посягающими ему жизнь, по очень, допустимо, правильным, но все же жестоким законам рынка, грош цена тогда всему тому, ради чего вообще существует театр.

Любопытная деталь: первое после перехода на контрактную систему повышение зарплаты предполагается за счет этих самых «лишних», предстоит, грубо говоря, поделить «их» деньги. В разговоре с молодыми актерами я почувствовал, что это им противно, что «жестокие» деньги оставшихся за театральными стенами пожилых конкурентов их не радуют. И правда, может быть, даже самый разгар борьбы за рыночные отношения уж где-где, но в театре-то все-таки должно наверх брать душа?

Правда, скажем прямо, и нынешняя наша система взаимоотношений в театре — далеко не идеальный вариант. Например, только за три часа беседы в кабинете А. Славутского я стал невольным свидетелем проявления двух «ультиматумов» и объявлений одной голодовки (даже плакатик был — «Голодую!»). И хотя все эти конфликты были тут же на месте разрешены — кого удалось

говорить, с кем договориться, да и сам Александр Яковлевич считает, что коллектив у них дружный, хороший,—признаюсь, я ему посочувствовал. Вот так, посочувствовал-посочувствовал, а потом аял да и спросил у одного из конфликтующих:

— А если бы вы на контракте были, тогда как?

— На контракте! Тогда бы помелкавал...

Потом, помолчав несколько секунд, вдруг с неожиданным азартом доложил:

— Но я бы уж в этом контракте все заранее обговорил!

Итак, что же делать? Требовать у Министерства культуры введения в приказном порядке контрактных отношений и круто менять жизнь наших театров? Пусть даже с некоторыми моральными издержками. Или все-таки не спешить? Ведь у нас уже появились первые труппы, живущие по законам рынка, значит, процесс начался, и неплохо бы посмотреть, как у них дела пойдут. А пока принимать новых актеров только «на договор», готовя почву для контрактной системы. Одновременно постелено, с учетом данной конкретной ситуации, гуманно подходить к человеческим проблемам, сокращать труппы, коль уж есть такая настоятельная необходимость. Да, на это потребуются годы. Может быть, пять или даже семь лет. А иначе как? Иначе — словно гусеницами трактора пройтись по людским судьбам.

Такого театр, даже если он внешне походит на трактор, позволить себе не может.

С. БАБАЕВ.
(Наш спец. корр.).
РОСТОВ-НА-ДОНУ.